

Взгляд Шэн Юэ был ледяным, а слова сыпались, словно залп из пушки:

— Она ещё и полностью соответствует твоим критериям выбора партнёрши? Ха! Понятливая? Не навязчивая? На кого ты намекаешь? Даже ища новую пассию, не забываешь пройтись по бывшей? Те несколько месяцев, что мы были вместе, оставили у тебя пожизненную психологическую травму?

Бо Фанши опешил. Шэн Юэ буквально исходил желчью, и если бы после таких слов он не понял, к чему тот клонит, то был бы просто глупцом.

Внезапно до него дошло: если бы Шэн Юэ до сих пор держал на него обиду за события трёхлетней давности, ему не было бы никакого смысла сниматься в Усмирении ветров. Если бы он всё ещё ненавидел его, то не стал бы подписываться на него в соцсетях, звать на ужин и предлагать вместе играть в видеоигры. Разве трудно найти партнёра для игры? Профессионалов пруд пруди, с чего бы Шэн Юэ выбирать его, игрока-любителя?

А то, что он устроил скандал, увидев сцену с поцелуем с Ли Цзяо, и запретил сниматься в ней...

Бо Фанши замолчал. Он прекрасно знал характер Шэн Юэ. Этот человек всегда был невыносимо упрямым, но при этом прямолинейным. Упрямство его проявлялось в том, что чем больше ему нравился человек, тем сильнее он издевался и капризничал. А прямолинейность заключалась в том, что Шэн Юэ никогда не тратил время на светские любезности: на тех, кто ему не по душе, он даже смотреть не желал, а от неприятных людей хотел только одного — чтобы они исчезли как можно дальше.

Такая очевидная истина... Как же он мог не понимать этого целых три года и осознать только сейчас?

Застигнутый врасплох неожиданным открытием — кажется, бывший парень всё ещё неровно ко мне дышит, — Бо Фанши онемел, не в силах вымолвить ни слова.

Однако это выражение лица Шэн Юэ истолковал по-своему, как молчаливое согласие.

— У тебя и правда психологическая травма из-за меня?! — Шэн Юэ был в ярости. — Неужели я настолько плох? Бо Фанши, вокруг столько людей, которым я нравлюсь, это я ослеп, когда выбрал тебя, чтобы так мучиться и терпеть твои выходки!

Бо Фанши умел выделять главное:

— Я тебе нравлюсь?

Шэн Юэ внезапно осекся, словно лопнувший воздушный шарик. Его запал иссияк, а кончики ушей странно покраснели:

— Я имел в виду раньше, раньше!

Бо Фанши кивнул:

— Я пойду обратно на съёмки, там все ждут. Поговорим позже.

Он потянулся к дверной ручке, но Шэн Юэ схватил его за руку. Бо Фанши всё понял без слов и сам произнёс:

— Я понял. Сцены с поцелуями снимать не буду.

Шэн Юэ не ожидал, что тот так быстро изменит решение. Весь запас аргументов, подготовленных для того, чтобы отговорить его, застрял в горле, и он чуть не поперхнулся. Бо Фанши, глядя на него, почувствовал тревогу и на всякий случай повторил свои слова:

— Я пойду сниматься, поговорим позже.

О чём именно? Бо Фанши не уточнил, да и не знал, понял ли его Шэн Юэ.

В любом случае, весь оставшийся съёмочный день Бо Фанши пребывал не в своей тарелке. А про Шэн Юэ и говорить нечего — отсутствие нормального рабочего состояния было для него нормой. Режиссёр Чжао страдал, предчувствуя провал фильма, и бесконечные вздохи превратились в фоновую музыку на съёмочной площадке.

Наконец, работа подошла к концу. Бо Фанши снял грим, и, как и ожидалось, Шэн Юэ ждал его.

Сегодня закончили поздно, было уже девять вечера. Переодевшись из сценического костюма, Бо Фанши надел простую повседневную одежду. В отличие от Шэн Юэ, который даже в мелочах оставался безупречным айдолом, Бо Фанши в жизни одевался как придётся — его гардероб состоял из того, что удавалось нащупать в шкафу с закрытыми глазами.

Но он был прирождённой вешалкой для одежды, и с тем лицом, что свело с ума тысячи девушек, женщин и старушек в кино, он выглядел ослепительно, даже если бы накинул на плечи мешок из-под картошки.

Бо Фанши по привычке поправил бейсболку и, подняв голову, увидел у дверей гримёрки Шэн Юэ, который пристально смотрел на него.

После всех эмоций, перекипевших за день, на душе воцарилось спокойствие. Бо Фанши невозможно подошёл к Шэн Юэ:

— Пойдём, вернёмся и там поговорим, здесь слишком много людей.

— Нет. О чём ты хочешь сказать? Давай сейчас.

Шэн Юэ не сводил с него глаз, выглядя настолько напряжённым, будто боялся, что Бо Фанши

сбежит, и хотел постоянно держать его в поле зрения.

Сердце Бо Фанши дрогнуло. Он вспомнил, как три года назад всё было точно так же. Тогда они только познакомились, между ними необъяснимо пробежала искра, симпатия вспыхнула слишком быстро, а молодые люди не умели ждать — не прошло и нескольких дней, как встал вопрос: не начать ли нам встречаться?

Но Бо Фанши был натуралом. Осознание того, что он внезапно испытал влечение к другому мужчине, застало его врасплох. Земля ушла из-под ног, всё внутри перевернулось.

Он не мог понять, нормально ли это, и собирался взять паузу, чтобы прийти в себя и всё обдумать. Но Шэн Юэ был... был таким сладким.

Именно сладким — Бо Фанши не находил другого слова.

Шэн Юэ был притягателен, как мёд, и стоило ему подойти ближе, как Бо Фанши терял голову. К тому же Шэн Юэ был невероятно красив: его глаза с примесью чужой крови казались прекраснее драгоценных камней, и когда он смотрел на человека, это походило на смертельное оружие.

Бо Фанши просто не мог устоять. Он чувствовал себя правителем, ослеплённым коварной красавицей, разум которого окончательно помутился. Он нашёл себе оправдание: любовь к красоте присуща каждому, а мужчины — существа визуальные, так зачем противиться инстинктам и загонять себя в рамки общественных устоев?

Пол не имеет значения.

В итоге Бо Фанши позволил себе сблизиться с Шэн Юэ. Даже во время первого поцелуя он всё ещё немного сопротивлялся, но это сопротивление было мгновенно подавлено страстью и собственническим инстинктом Шэн Юэ.

Шэн Юэ не был мастером поцелуев, да и сам Бо Фанши тоже, но чувства оказались важнее техники. Стоило губам соприкоснуться, как кровь закипела, и было уже не до раздумий о мастерстве.

Так, шаг за шагом, они начали встречаться, пока дело не дошло до желания оказаться в одной постели.

До этого момента Бо Фанши вольно или невольно смотрел на Шэн Юэ сквозь розовые очки: его сладость и красота казались гипертрофированными, а мужская харизма — приглушённой, почти до самообмана.